

«ЖЕЛАЙ МНЕ ЗДРАВИА, КАЛМЫК!» (ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ, МАТЕРИАЛЫ К КОММЕНТАРИЮ: Часть II)

“Wish me Health, Kalmyk!”

(The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part II)

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscripts, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматриваются определенные текстологические аспекты трех осуществленных реконструкций ранней (черновой) редакции послания А. С. Пушкина литературно-театральному обществу «Зеленая лампа» (начало 1821 – весна 1822 гг.). Пристальный сравнительный анализ реконструкций С. М. Бонди (107 строк), Б. В. Томашевского (103 строки) и С. А. Фомичева (89 строк) позволяет определить состав и особенности их композиционных структур, уяснить особенности прочтений и разночтений, локализацию сквозной объединяющей формулы «Желай мне здравия, Калмык!». Выводы текстологического характера могут найти применение в эдической практике.

Сопутствующие анализу комментарии содержат наблюдения над работой текстолога по созданию реконструкции. Историко-литературный комментарий предоставляет материал для изучения творческих взаимосвязей А. С. Пушкина и П. А. Вяземского.

Ключевые слова: Пушкин, литературно-театральное общество, послание, реконструкция, сводка вариантов, мужская и женская рифмы, творческие взаимосвязи, «Зеленая лампа», Калмык.

The article discusses some textual aspects of the known by now reconstructions of the early (draft) edition of A.S. Pushkin's address to the Literature and Theatre Society “Green Lamp” (texts dated back to the beginning of 1821 and no later than spring 1822). They have been subsequently undertaken by three Pushkin scholars — textual critics of different generations: two reconstructions — by the editors of the Big and Small academic editions of the poet's heritage — S.M. Bondi (1931, 1935 — published in 1949) and B.V. Tomashevsky (1949 — publication in 4 editions till the end of 1970s) — and S.A. Fomichev (2003).

The segmentation and subsequent relative comparison of three reconstructed texts allow us to reveal certain peculiarities in their compositional structures. The aim of the article is to identify in those structures the position of the formula “Wish me health, Kalmyk!”, which is common and prevailing not only for the under consideration draft versions and the reconstruction of their basic texts, but also for the whole complex of A.S. Pushkin's texts, dating back to the beginning of 1820s. The analysis permits the understanding of the composition and nature of interpretations and peculiarities of readings and concludes that the given poetic formula is not one verse, but double verses with the address “*Pour me the wine of comet*” (the author of the article supports B.V. Tomashevsky's and S.A. Fomichev's interpretation of this line) and the famous facetious imperative “*Wish me health, Kalmyk*” (written with the capital letter as stated by S.M. Bondi, it is found twice in early edition). The textual character conclusions may be implemented in editing practice.

The given paper presents some poetic, historical and literary commentaries, including the issue about the possible relationship of one of the abstracts of the Pushkin's address with the beginning of the “Drinking songs” by P.A. Vyazemskiy (“Merry noise, singing and funs” — 1816?).

The article presents the preliminary consideration of the set of issues regarding Pushkin's textual aspects and provides the material for commentaries to the reconstructed Pushkin's texts of the early edition of the address to “Green Lamp”.

Keywords: Pushkin, Literature and Theater Society, address, reconstruction, compilation of variants, male and female rhymes, creative relationships, “Green Lamp”, Kalmyk.

В настоящей работе рассматриваются реконструкции комплекса черновых записей — вариантов и фрагментов стихотворных текстов А. С. Пушкина¹ со сквозной

¹ Они остались в рабочих тетрадях поэта, обозначаемых ныне шифрами — ПД 830 (За-

формулой «Желай мне здравия, Калмык!»).

писная книжка), ПД 831 (Первая Кишиневская); полистное описание см.: [Ларионова 2004: 280–288]. Датируются в вероятных пределах: конец января 1821 г. — после августа 1821 г. до 31 марта 1822 г. [Фомичев 2003: 44, 53].

Цель данной статьи — в детальном сопоставлении известных к настоящему времени реконструкций определить локализацию в них данной формулы.

В предыдущей части нашей работы [Кичикова 2014] мы, в силу необходимости, привели тексты и предварительно рассмотрели две реконструкции черного варианта пушкинского послания к литературно-театральному обществу «Зеленая лампа»¹. Обе реконструкции были осуществлены советскими пушкинистами-текстологами старшего поколения — С. М. Бонди (в 1931 и 1935 гг. — публикация в 1949 г. (II, 157; II, 720–722))² и Б. В. Томашевским (в 1949 — публикация в 1949, 1956, 1966 и 1977 гг. [Пушкин 1977: 28–30]). Мы позволили себе условно обозначить эти тексты как I–РБ, I–РБ и II–РТ [Кичикова 2014: 164, 165, 167].

Специально не сопоставлявший данные тексты, С. А. Фомичев, однако, отметил: реконструкция Б. В. Томашевского, «на наш взгляд, точнее», чем предыдущее прочтение [Фомичев 2003: 49], пояснив далее, что С. М. Бонди «не принимал во внимание заполнение записной книжки в обратном направлении, от конца к началу» [Фомичев 2003: 52].

Из анализа автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>», опубликованного С. А. Фомичевым в специальном *Приложении* к его статье, обращает на себя внимание текстологический комментарий к вариантам на л. 60 записной книжки ПД 830. В Большом академическом издании С. М. Бонди опубликовал их в разделе *А. Отрывки черного автографа* дробно, отделенными горизонтальной чертой (II, 715–717) и в несколько ином порядке, чем у современного

¹ Его деятельность датируется примерно с 20 марта 1819 г. до конца 1820 г. [Томашевский 1956: 206]. Общество прекратило существование в связи с самороспуском декабристского Союза благоденствия, легальным филиалом которого оно являлось.

² Тексты А. С. Пушкина далее всюду приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания [Пушкин 1994–1997]. Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, специально не оговариваются.

текстолога. Сводка вариантов на л. 60, где поэт продолжил работу над сложным черновиком «буквально с полуфразы» [Фомичев 2003: 50], подается в *Приложении* следующим образом:

Где своенравный произвол
 Менял бутылки, разговоры,
 Рассказы, песни шалуна
 И разгорались наши споры
 От искр и шуток и вина —
 Налей же мне вина кометы
 Желай мне здравия, кал<мык>
 Разлуки долгой и тяжелой
 Забыта хладная печаль
 [Ты здесь] Амфитрион веселой,
 Щастлив<ый>, добрый, умный враль! —
 Быв<алой?> пламенея <?>
 Благослови же мой возврат
 Но где же он, твой ми<лый брат>
 Недавний рекрут Гименея!
 Где ты, приятный Адонис
 Жил<ец> Пафоса и Киферы
 Любимец ветреных <лаис>
 Щаст<ливый> баловень <Венеры>
 Услышу ль я мои поз<ты>
 Богов торжественный язык
 Налей же мне
 Желай мне здр<авия> к<алмык>
 Ты здесь о гражда<нин> кулис
 Театра злой летописатель
 Очаровательных актрис
 Непостоянный обожатель

Вы оба в прежни времена
 В ночных беседах пировали
 И сладкой лестью баловали
 Певца свободы и вина

[И я любил их остро<ту>]
 Любил улыбку, нежны взоры
 Веселый нрав и разговоры —³ [Фомичев 2003: 50–51].

³ Тире или ряд тире (в текстах А. С. Грибоедова встречаются подряд 2–3 тире) в русскую пунктуацию с конца XVIII в. привнес Н. М. Карамзин. В большинстве случаев тогдашние тире сейчас бы заменили точкой с запятой. Последним же тире С. А. Фомичев в своей сводке, по-видимому, обозначил конец л. 60 в ПД 830.

Отчеркивания «сверху и снизу означали у Пушкина знак переноса» [Фомичев: 51] черного варианта в другое место текста.

В другой работе нам уже приходилось давать весьма подробный историко-литературный комментарий к комплексу пушкинских текстов начала 1820-х годов, объединенных формулой «Желай мне здравия, Калмык!», включая и текст I-РБ [Кичикова 2001]. Здесь же уместно лишь кратко пояснить: в приведенной сводке вариантов на л. 60 ПД 830 (с разночтениями в I-РБ, II-РТ) полушутливо, в стиле «антично-мифологических» перифрастических характеристик и одновременно в стиле «кружкового» языка «лампистов», последовательно упоминаются: Н. В. Всеволожский (1799–1862), учредитель общества «Зеленая лампа» и гостеприимный хозяин дома, где проходили его заседания, — «Амфитрион веселый», его брат А. В. Всеволожский (1793–1864) — «рекрут Гименея», Ф. Ф. Юрьев (1796–1860) — «приятный» (в I-РБ, II-РТ: «прелестный») Адонис. Остановимся лишь на некоторых подробностях прочтения С. А. Фомичевым л. 60 ПД 830, поскольку они связаны с темой нашей работы.

В приведенном тексте дважды упоминается калмык — юный слуга Н. В. Всеволожского: в застольях и беседах членов общества «прославленному калмыку» [Анненков 1874: 63; цит. по: Щеголев 1987: 221] вменялось в обязанность шутливо «желать здравия» тому из участников «симпозиона», у которого вырывалось бранное или нецензурное слово [Анненков 1874: 63–64; Щеголев 1987: 208–209; Томашевский 1956: 202–203; Лотман 1982: 45–46; Кичикова 2001: 75–77]. Отметим, что в сводке С. А. Фомичева обращение к калмыку: «**Налей же мне вина кометы**», «**Налей же мне**» (строка не дописана, подразумевается повторение найденного варианта), — оба раза прочитано в форме первого лица единственного числа. Между тем в сводке А публикации С. М. Бонди эта форма приведена единожды (II, 716 — вариант 8). Разночтение кажется незначительным: ведь в торопливой записи императивную форму можно разобрать в слитном написании «**Налейте**», и тогда она выражает призыв — обращение ко многим — к дружескому кругу «лампистов». Раздельное написание «**Налей же**» означает обращение к одному адресату — к слуге-калмыку, как было прочтено и зафиксировано в публикации II-РТ и позже — в сводке л. 60 ПД 830 С. А. Фомичевым.

В данной сводке обращение «калмык» написано со строчной буквы — возможно,

с ориентацией на финальную строку послания из письма Я. Н. Толстому. Послание из письма к председателю «Зеленой лампы» современный текстолог принимает как один из источников ранней редакции: «Таких источников три: 1) черновые наброски в записной книжке ПД 830 (л. 64 об. — 65 и л. 60–62); 2) черновые наброски и сводка ранее написанных строк — в тетради ПД 831; 3) беловик отрывка послания — в письме к Я. Н. Толстому» [Фомичев 2003: 50]. Почти семьдесятю годами ранее, в период формирования отечественной школы текстологии, С. М. Бонди исходил из тех же соображений: «У нас есть черновик начала послания (в «Первой кишиневской тетради») и черновик середины и конца (с пробелом) — в «Записной книжке 1820–1822 гг.». Однако тексты эти не смыкаются <···>. Недостающие тринадцать стихов известны только в составе беловой, сокращенной редакции» [Бонди 1971: 101–102]. Однако в прочтении С. М. Бонди данное обращение дважды передано в написании с буквы прописной: «**Желай мне здравия, Кал<мык>**», «**Желай мне здра<вия> К<алмык>**» (II, 716).

В тексте эпистолярного источника С. А. Фомичев выделил курсивом фрагменты строк и целые строки, которые «хотя бы в измененном виде» содержатся в источниках ПД 830 и ПД 831. Последние 9 строк оказались напечатаны сплошь курсивом, С. М. Бонди насчитал 13 строк совпадений, по нашим же подсчетам, в целом выявляется 12 подобных строк.

Приведем, наконец, текст третьей из известных нам к настоящему времени реконструкций. По словам создавшего ее С. А. Фомичева, ранняя редакция пушкинского послания, «вероятно, выглядела примерно так»:

<Послание к «Зеленой лампе»>

- В кругу семей, в пирах игривых <?>
Я гость унылый и чужой —
Вдали друзей [вольно]любивых
Теснимый хладною толпой...
Певец любви, печальный странник,
Забыв и лиру, и покой,
Бегу за милою мечтой...
Где ж отдохну, младой изгнанник,
Забуду горечь и любовь
(10) И сердца пыл неосторожный,
Заброшу посох мой дорожный,
И равнодушен буду вновь?**

- А вы, товарищи молодые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
(20) Воображаю, вижу вас.
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров,
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с вами клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
(30) Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое Равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, шутки шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налей же мне *вина кометы*,
(40) Желай мне здравия, калмык!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль,
[Ты здесь], Амфитрион веселой,
Счастливым, добрым, умный враль!
<Бывалой дружбой пламеня>,
Благослови же мой возврат.
Но где же он, твой милый брат,
Недавний рекрут Гименея?
Вы оба в прежни времена
(50) В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.
Где ты, приятный Адонис,
Жилец Пафосы и Киферы,
Любимец ветреных <лаис>,
Счастливым баловень <Венеры>?
Ты здесь, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Непостоянный обожатель
(60) Очаровательных актрис.
И я любил их остроту,
Любил улыбки<и>, нежны взоры,
Веселый нрав и разговоры,
Но оскорбил я красоту,
Когда [она] блистала славой
В венце любви, в дыму кадил;
В досаде, может быть, неправой
Хвалы я свистом заглушил.

- Погибни, мести миг единый,
(70) И дерзкой лиры ложный звук!
Перед охаянной Моинной
Я виноват, <любезный друг>...
Все так же <ль> осеняют своды
[Сей храм парнасских трех цариц],
Все те же ль стаи юных жриц,
Все те же ль выются хороводы?
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музыки,
Ужель навек, оставя нас,
(80) Она расторгла с Фебом узы
И славы русской луч угас?
Не верю! – вновь она восстанет <?>.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго [не увянет]
Ее торжественный венец,
И для нее, любовник <славы>,
Поклонник милых Аонид,
Младой Катенин воскресит
Софокла гений величавый
[Фомичев 2003: 54–55].

Очевидно, что, как и у Б. В. Томашевского, «отрывок о Семеновой» присоединен к ранней редакции послания. Условно обозначив данную реконструкцию как III–РФ, отметим лишь некоторые ее разночтения с I–РБ, I1–РБ и II–РТ.

1. Послание к «Зеленой лампе», как и многие послания и поэмы Пушкина, замышлялось как астрофическое построение при внутреннем делении на строгие строфические образования с различной рифмовкой. Справедливое в этом смысле соображение текстолога: «При «состыковке» сохранившихся и предполагаемых отрывков первой редакции послания необходимо соблюдать правило альтернанса» [Фомичев 2003: 54], — им же самим в ряде случаев не было «соблюдено». Нарушение альтернанса (правила чередования мужских и женских рифм) в III–РФ заметно на стыках четверостиший с разной рифмовкой: 1) в ст. 16–17 **Венки цветов и гимны лир. / В изгнании скучном, каждый час** — 2 строки с мужской рифмой оказались по соседству из-за переноса в другое место III–РФ четверостишия, которое в I–РБ следовало за элегическим вступлением; 2) в ст. 52–53 **Певца свободы и вина. / Где ты, приятный Адонис** — 2 строки с мужской рифмой соседствуют при переходе от характеристики братьев Н. В. и А. В. Всеволожских к характеристике Ф. В. Юрьева; этот «стык» зафиксирован еще в I–РБ и повторен в II–РТ; 3) в ст. 60–61

Очаровательных актрис. / **И я любил их остроу** – 2 строки с мужской рифмой оказались рядом из-за перестановки местами строк в четверостишии 57–60 для замены перекрестной рифмы (согласно I–РБ и II–РТ: **Очаровательных актрис / Непостоянный обожатель**) на опоясывающую в III–РФ: **Непостоянный обожатель / Очаровательных актрис** — т. е. в том виде, в каком это двустишие позже будет перенесено в текст строфы XVII первой главы «Евгения Онегина», но уже в составе четверостишия с парой смежных рифм (VI, 11).

2. По сравнению с I–РБ и II–РТ в «театральном разделе» текста III–РФ только на 13 стихов приходится 3 перестановки строк местами: кроме отмеченного двустишия с «обожателем актрис», укажем ст. 62–63 **Любил улыбки<и>, нежны взоры, / Веселый нрав и разговоры**, ст. 71–72 **Перед охаянной Моинной / Я виноват, <любезный друг>...**

3. Выражение **охаянной Моинной** представляется «сопряжением далековатых идей» в послании высокого романтического стиля. Если отправляться от текста I–РБ, то в нем так нагромождены выражения покаяния поэта перед обиженной им актрисой (А. М. Колосовой, с 1827 г. Каратыгиной; 1802–1860): **оскорбил, В досаде <...> неправой, свистом заглушил** – и квалификации его вины: **мести миг, Дерзкой лиры ложный звук, Она виновна**, — что определение **охаянной** кажется и вовсе избыточным.

Ныне все чаще раздаются претензии в адрес литературных толковых словарей (в том числе и специализированного «Словаря языка Пушкина»), «составители которых, как и рядовые читатели, во многих случаях не могут выйти из границ собственного языкового опыта» [Пеньковский 2005: 10]. Полагая, что «Словарь языка Пушкина» базовые ориентиры, несомненно, задает, отметим: при всем богатстве пушкинского лексикона (в том числе просторечной и обценной лексики) ни в этом словаре, ни в дополняющем его издании просторечный глагол «хаять» и производные от него формы не зафиксированы [Словарь 1959, 1961: III, IV; Новые материалы 1982].

Для конкретного сопоставительного анализа всех трех реконструкций примем за исходный текст I–РБ с присоединением II–РБ, что вместе составило 107 строк. Членение совокупного текста на эпизо-

ды в аспекте мотивов и жанрово-стилевых образований возможно представить в порядке последовательности стихов: ст. 1–3: I. Дошедший зов («струн»); ст. 4–12: II. Разлука (первая элегическая ламентация); ст. 13–25: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 26–37: IV. Приют (друзей и муз); ст. 38–49: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 50–69: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 70–73: VII. Пиршество поэтов (Калмык); ст. 74–85: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 86–89: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 90–98: XI. Театр («Ужель умолк?»); ст. 99–107: XII. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

В тексте же II–РТ последовательность эпизодов будет выглядеть следующим образом: ст. 1–13: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 14–17: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 18–20: I. Дошедший зов («струн»); ст. 21–29: II. Разлука (первая элегическая ламентация); ст. 30–37: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 38–49: IV. Приют (друзей и муз); ст. 50–53: VII. Пиршество поэтов (калмык); ст. 54–65: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 66–85: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 86–94: XI. Театр («Ужель умолк?»); ст. 95–103: XII. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Отметим следующие особенности реконструкции Б. В. Томашевского.

1. В открывающий II–РТ эпизод VIII включен ст. 10 **Меня покинет призраком ложный**, который в I–РБ и III–РФ не встречается. Вместе с последующими ст. **И сердца пыл неосторожный, / Заброшу посох мой дорожный** эта строка образует трехстишие со сквозной точной женской рифмой, обрамленное сверху ст. **Забуду горесть и любовь**, а снизу – ст. **И равнодушен буду вновь**. Так Б. В. Томашевский сформировал пятистишие.

2. Из эпизода III после ст. **В руках веселых остряков?** исчезли 5 строк — согласно нумерации I–РБ, это ст. 21–25 **Всё те же ль вы, друзья веселья ~ Свободы, лени и безделья?** А ведь это прекрасные стихи, полные молодого, веселого вольнолюбия! Правда, комплекс мотивов вольнолюбия пронизывает ряд посланий и стихотворений 1819–1820 годов, адресованных отдельным «лампицам» и дружескому кругу «Зеленой лампы» в целом (П. Б. Мансурову,

Ф. Ф. Юрьеву, Н. В. Всеволожскому, «Веселый пир», «Стансы Я. Н. Толстому»¹. В рассматриваемой же редакции послания очевидно лишь повторение этих мотивов — без новаторских преобразований, что, возможно, и было одной из причин для изъятия данного пятистишия из текста П–РТ. Однако никаких пояснений к своей реконструкции Б. В. Томашевский, как известно, не публиковал. Таким образом, при включении одной и изъятии пяти строк (ср. 107 строк у С. М. Бонди) в тексте П–РТ насчитываются 103 стихотворных строки.

В опыте реконструкции С. А. Фомичева, во многом следующего тексту П–РТ, цепочка условно маркированных эпизодов послания предстает в следующем виде: ст. 1–12: VIII. Изгнанник (вторая элегическая ламентация); ст. 13–16: IX. Предсказание возвращения (апофеоз поэта); ст. 17–24: III. Лампада (пиршественная беседа); ст. 25–36: IV. Приют (друзей и муз); ст. 37–40: VII. Пиршество поэтов (калмык); ст. 41–52: V. Братья (гостеприимные хозяева); ст. 53–72: VI. «Ламписты» (театр, покаяние); ст. 73–81: XI. Театр («Ужель умолк?»); ст. 82–89: XI. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Не принятые С. А. Фомичевым фрагменты составили 18 строк. Исключенными же оказались: 1) целиком эпизоды I. Дошедший зов («струн») и II. Разлука (первая элегическая ламентация — т.е. начальные 12 строк I–РБ; 2) 5 строк из эпизода III. Лампада (пиршественная беседа) — как и в П–РТ; финальная строка эпизода XI. Предсказание возвращения (апофеоз актрисы).

Рассмотрим эти исключения несколько подробнее.

1. Согласно анализу С. А. Фомичева, автографы из записной книжки ПД 830 представляют собою первоначальную редакцию послания. Вторая редакция «была намечена в тетради ПД 831» (датируется после 24 ав-

¹ Прочно утвердившуюся в пушкиноведении датировку «Стансов Я. Н. Толстому» 1819-м г. аргументированно оспорил Н. Я. Эйдельман, выдвинув предположение о том, что «Стансы» были завершены около 1824–1825 гг. [Эйдельман 1987: 322–329, особ. 326]. Рассмотрев развитие нравственно-философской проблематики «Стансов Я. Н. Толстому» в «Евгении Онегине» [Кичикова 2001: 64–67] и учитывая публикацию эпистолярия Я. Н. Толстого из парижского архива [Фридкин 1991: 23–26], мы согласились с доводами Н. Я. Эйдельмана [Кичикова 2001: 68].

густа 1821 г. до 31 марта 1822 г.) [Фомичев 2003: 53]. С автографами послания из ПД 831 текстолог поступил следующим образом. «Заново проработанные в ней на л. 48 об. восемь строк нельзя включать в первую редакцию 1820 г.», — пояснил он исключение 8 из 12 начальных строк [Фомичев 2003: 53]. Из черновой сводки на л. 49, где «работа над посланием была непосредственно продолжена» [Фомичев 2003: 52], три строки исключены без каких-либо пояснений. Следующие за ними, определенные текстологом как «конспект» (запись лишь начала стихотворных строк): **В изгнаны / Горя / Я к вам / Горю ли ты / Кипи<шь> / Где ты** — включены в III–РФ: исследователь справедливо нашел в них «подтверждение, что этот текст (проясняемый по стихотворному фрагменту из письма к Я. Н. Толстому) существовал в первой редакции и находился, вероятно, на оборванном листе в записной книжке ПД 830, перед л. 60» [Фомичев 2003: 53].

Исключенные без объяснений 3 строки **Молчат пиры, утихли смехи / Любовницы забыли нас / И разлетелися утехи** были, однако, прочтены в I–РБ и П–РТ как завершенное четверостишие и включены (с незначительными разночтениями) в виде: [Молчат пиры], утихли смехи / Утих безумья вольный глас (у Б. В. Томашевского: **Младых пиров утихли смехи / Утих безумства вольный глас** [Пушкин 1977: 28]), **Любовницы забыли нас, / И разлетелися утехи** (II, 720).

Однако наше внимание привлекли некоторые особенности этого четверостишия. Для Пушкина 1821–1822 годов, времени первых «южных» романтических поэм, оно кажется уже архаичным — в духе поэзии второй половины XVIII века, например, Г. Р. Державина с его «крайностями поэтической системы» [Стенник 1995: 126]. У «певца века Екатерины» можно встретить строку: «Подите *счастью* прочь» («На смерть князя Мещерского», 1779) — и идиллическое двустишие с примененной в пушкинском послании рифмой: «Как вокруг вас радости и *смехи*, / Невинны сельские *утехи*» («Капнисту», 1797) [Державин 1985: 31, 194].

Возможно, архаичность этого четверостишия сохраняется поэтом сознательно — как некое «чужое слово» [Бахтин 1963: 248–249]. Диалогические отношения пушкинских строк с конкретным претекстом выявляются при их сопоставлении с «Застольной песней» П. А. Вяземского (1816?),

открывающейся куплетом:

Веселый шум, пеньё и смехи,
Обмен бутылок и речей,
Так празднует свои потехи
Семья пирующих друзей.
Все искрится — вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И вчаствую, в промежутки,
За пробкой пробка, хлоп да хлоп!

[Вяземский 1953: 399].

На выделенные в этом куплете слова и строки Пушкин элегически откликнулся не только в указанном четверостишии. В кишиневской ссылке поэт помнит песню Вяземского, отозвавшись на нее в строках **Где своенравный произвол / Менял бутылки, разговоры**, как и в строках **И разгорались наши споры / От искр и шуток и вина**. В куплетах Вяземского последовательно провозглашаются здравицы Д. В. Давыдову, Ф. И. Толстому (Американцу), В. А. Жуковскому, В. Л. Пушкину, К. Н. Батюшкову — это ядро поэтов литературного общества «Арзамас» — кроме Ф. И. Толстого, с которым Пушкин жестоко рассорился до отъезда в южную ссылку (письма поэта из Кишинева к тому же Вяземскому все еще кипят негодованием по поводу «Американца»: XIII, 34; XIII, 43–44).

М. И. Гиллельсон, пристально рассмотревший творческие взаимосвязи обоих поэтов, не принял во внимание немудреные куплеты «Застольной песни», а между тем ее образы, формулы и мотивы пронизывают пушкинское черновое послание, демонстрируя то, «какими подспудными, взаимно нерасторжимыми разветвлениями связана поэзия Пушкина и Вяземского» [Гиллельсон 1969: 276].

На наш взгляд, исключенное из III–РФ четверостишие содержит не только сознательную ориентацию Пушкина на претекст Вяземского, но и являет еще более любопытный пример «арзамасского» подтекста в послании другому литературному обществу — «Зеленой лампе». Эти строки стоило бы сохранить в тексте реконструкции как свидетельство творческих взаимосвязей А. С. Пушкина и П. А. Вяземского.

2. Исключение пяти строк (ст. 21–25 I–РБ) из эпизода III. Лампада (пиршественная беседа): **Все те же ль вы, друзья веселья ~ Свободы, лени и безделья?** — С. А. Фомичев объяснил тем, что «они не отражены в «конспекте» (на л. 49 ПД 831. — Б.К.)

и дают обобщенную картину театрального содружества, тогда как первоначально «ламписты» представлялись по одному» [Фомичев 2003: 53].

3. Без всяких пояснений из текста III–РФ изъята строка, публиковавшаяся в I1–РБ и II–РТ как финальная: **И ей порфиру возвратит**. Возможно, она была отсечена, чтобы замкнуть последнее четверостишие с опоясывающей рифмой (приводим лишь концовки): <славы> — **Аонид** — **воскресит** — **величавый**. По нашему же мнению, с изъятием последней строки текст III–РФ лишился и завершающего аккорда в параллельно проводимой теме предсказанного возвращения — с упоминанием атрибутов апофеоза поэта (**Готовьте чаши <...>, венки <...> и гимны**) и царственного триумфа актрисы (**И ей порфиру возвратит**). Таким образом, мотив возвращения поэта в *приют муз* не был до конца поддержан мотивом возвращения актрисы в *царство муз*.

Необходимо, наконец, определить место четверостишия, условно обозначенного нами как эпизод VII. Пиршество поэтов (Калмык) в рассматриваемых текстах: на наш взгляд, локализация эпизода VII связана с характером истолкования пушкинского замысла текстологом. В композиции реконструированных текстов эпизод с формулой о Калмыке локализуется следующим образом.

В осуществленной С. М. Бонди реконструкции *вариантов и фрагментов* ранней редакции послания эпизод VII (ст. 70–73) локализуется после эпизодов I–VI и перед эпизодами VIII–IX. Таким образом, в тексте I–РБ эпизод VII открывает третью треть послания — с мотивом пиршества по возвращении поэта в круг друзей. С присоединением же текста I1–РБ эпизод VII разделяет первую и вторую части послания — с переключками первой и второй элегических ламентаций, параллелизм предсказаний о триумфальном возвращении (поэта и актрисы) определяет вторую часть.

В тексте Б. В. Томашевского эпизод VII также занимает седьмую позицию (ст. 51–54) — после эпизодов VIII–IX, I–IV и перед эпизодами V–VI, XI–XII. Таким образом, эпизод о калмыке композиционно локализуется в середине текста II–РТ, отделяя элегическую, условно, часть (со второй, затем первой элегическими ламентациями) от части описательной — с характеристиками «лампистов», театра и актрис. Параллель между предсказаниями о возвращении (по-

эта и актрисы) в П–РТ проведена последовательно в обеих частях.

В опыте реконструкции С. А. Фомичева эпизод VII (ст. 37–40) занимает пятую позицию — после эпизодов VIII–IX, III–IV и перед эпизодами V–VI, XI–XII. Эпизод VII завершает экспозиционную часть текста III–РФ с мотивами разлуки (вторая элегическая ламентация), возвращения и приюта муз от части описательной — с характеристиками «лампистов», театра и актрис. В III–РФ параллелизм мотива возвращения лишился завершающего штриха.

Таким образом, все три реконструированных текста построены по принципу двухчастной композиции, в которой части разделены и в то же время соединены четверостишием с формулой «**Желай мне здравия, Калмык!**». Однако текст I–РБ вместе с II–РБ тяготеет к излюбленному Пушкиным виду симметрической (зеркальной) композиции как эстетически совершенной. Текст II–РБ также являет двухчастную, но построенную на контрасте элегии и описания, композицию. Текст III–РФ представляет собою двухчастную композицию с перерастанием экспозиции в описание.

Творческая воля Пушкина была воплощена в сокращенном и переработанном варианте послания, включенном в деловое письмо к Я. Н. Толстому от 26 сентября 1822 года. В этом эпистолярном фрагменте формула «Желай мне здравия, калмык!» является завершающей. В одной из предыдущих работ [Кичикова 2001: 76–77] мы пришли к выводу о том, что упоминанием калмыка в «лампиستم» комплексе текстов начала 1820-х годов (рассмотренная ранняя редакция, письмо брату Льву Сергеевичу от 27 июля 1821 г. из Кишинева в Петербург (XIII, 31), послание из письма к Я. Н. Толстому) Пушкин завершает оформление символа общества «Зеленая лампа» на трех основных уровнях: образ зеленой лампы как символ Света Надежды — на духовно-идеологическом уровне, эмблема античного светильника-лампады как знак принадлежности к обществу «взыскующих света» — на уровне личности, образ мальчика-калмыка, азиатского виночерпия на духовном пиршестве-симпозионе как символическое олицетворение «союза», «милого равенства» — на уровне бытовой культуры эпохи и определенной формы этой культуры, созданной в кругу «Зеленой лампы». Так Пушкин художественно переосмыслил функцию конкрет-

ного лица — калмыка Всеволода, слуги своего петербургского приятеля.

Вопросом о необходимости составлять некий целостный текст из авторских фрагментов задавался в свое время и создатель первой из рассмотренных реконструкций — С. М. Бонди: «К чему пытаться из обломков, оставленных Пушкиным, возводить на свой страх и риск целое здание, не зная ни точного плана, ни общего вида его? Нужно ли и можно ли это делать? — и сам же отвечал: — Можно, поскольку из самого материала, как бы отрывочен и разбросан он ни был, можно до известной степени видеть то целое, обломки которого он составляет. <...> И, конечно, лучше иметь пускай не до конца достоверную, но цельную художественную концепцию, чем оставаться при протокольно засвидетельствованных обломках» [Бонди 1971: 103].

Приведем суждение и другого текстолога, высказанное им на основании анализа автографов другого пушкинского произведения: «Получившее в пушкиноведческой текстологии приоритет извлечение из черновиков связанных поэтических текстов путем конструирования стихов комбинациями зачеркнутых слов и фраз, извлекаемых из разных слоев правки, опирается на несколько главных аргументов. Первый: когда Пушкин работал над стихотворным текстом, в его голове всегда присутствовал какой-то связный его вариант, который мог и не отражаться полностью в незачеркнутом слое автографа. Второй: реконструируемые стихи реально существовали в какие-то моменты работы над произведением и, будучи, таким образом, подлинно пушкинскими, имеют право находиться в тексте на основании предыдущего аргумента. Третий: Пушкин имел обыкновение возвращаться к отвергнутым вариантам, никак этого не отражая в более раннем автографе, а закрепляя лишь в позднем <...>. Проведенный анализ автографа «Я видел Азии бесплодные пределы» демонстрирует *весьма относительную надежность и большую шаткость* этих оснований» [Рак 2003: 41].

Предложенный в настоящей работе анализ и сопутствующие ему комментарии позволяют сформулировать некоторые конкретные выводы.

1. Реконструкция текста художественного произведения является итогом научной работы текстолога и связана с задачами эдиционной практики.

2. Публикация воссозданного из «протокольно засвидетельствованных обломков» текста возможна (в случае с примером С. М. Бонди) и допустима (в отличие от примера Б. В. Томашевского) в соответствующих разделах издания («Другие редакции и варианты») — под именем текстолога-редактора.

3. Двустиишие о калмыке в составе четверостишия (в нашем случае — эпизод VII) ранней редакции пушкинского послания к «Зеленой лампе» целесообразно печатать в виде:

**Налей же мне вина кометы,
Желай мне здравия, Калмык!**

Мы поддерживаем прочтение Б. В. Томашевским и С. А. Фомичевым верхней строки, а для нижней строки учитываем прочтение С. М. Бонди обращения с прописной буквы. Так, знаменитый европейский художник, перед талантом которого преклонялся И.-В. Гёте, подписывал свои работы «родовым», этническим именем: Федор Калмык.

А ведь верное прочтение двух пушкинских строк дорогого стоит!

Источники

- Вяземский П. А.* Стихотворения / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. Изд. 2. Л.: Сов. писатель (Большая серия «Библиотеки поэта»), 1953. 507 с.
- Державин Г. Р.* Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. II (1, 2), 1994: Стихотворения 1817–1825. 1206 с.; Т. VI. Евгений Онегин. 1995. 698 с.; Т. XIII: Переписка 1815–1827. 1996. 652 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1977. Т. II. Стихотворения 1820–1826. 400 с.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 261 с.
- Бонди С. М.* Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1935. [Т.] 1. С. 33–52; переизд.: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 91–108.
- Гильельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.
- Кичикова Б. А.* «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к

комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл (Свет в степи). 2001. № 8. С. 41–80.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014, № 3. С. 163–168.

Ларионова Е. О. Рабочие тетради Пушкина. Поллистное описание. Тетрадь ПД 830 (Записная книжка). Тетрадь ПД 831 (Первая кишиневская) // Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 20 т. Т. 2. Стихотворения. Кн. 1 (Петербург. 1817–1820). СПб: Наука, 2004. С. 280–288.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. Науч. ред. Я. Л. Левкович. В 4 т. М.: Слово/Slovo, 1999. Т.1. 1799–1824. 591 с.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.

Новые материалы к словарю А. С. Пушкина. М.: Наука, 1982. 288 с.

Пеньковский А. Б. Загадки пушкинского текста и словаря. Опыт филологической герменевтики. М.: Языки слав. культур, 2005. 315 с.

Рак В. Д. Записная книжка Пушкина ПД 830 (история заполнения: л. 1–42 об.) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 5–42.

Словарь языка Пушкина. В 4 т. / под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: АН СССР, Ин-т рус. языка, Госуд. изд-во иностр. и национ. словарей, 1956–1961; Т. 3. О–Р, 1959. 1071 с.; Т. 4. С–Я. 1961. 1048 с.

Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб.: Наука, 1995. 349 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л.: АН СССР, 1956. 743 с.

Фомичев С. А. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 43–66 об. / Приложение. Анализ автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 43–56.

Фридкин В. М. Пропаший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. Изд. 2, доп. М.: Знание, 1991. 254 с.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.

Щеголев П. Е. «Зеленая лампа» // *Щеголев П. Е.* Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987. С. 208–230.

Эйдельман Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества: 1826–1837. М.: Худож. лит., 1987. 462 с.